

Карта Талсы

Автор:

Бенджамин Литал

Карта Талсы

Бенджамин Литал

«Карту Талсы» сравнивают с «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера и «Историей любви» Э. Сигала.

Главный герой романа, Джим Прэйли, наивный, пылкий, делает первые шаги во взрослой жизни. Он хочет разобраться в других и себе, понять, как устроен мир, и научиться принимать решения. «Карта Талсы» – попытка вызвать в памяти то острое, щемящее счастье, какое возможно лишь в молодости.

Литал отлично помнит, что он чувствовал в свои двадцать, поэтому ему удалось написать честную и искреннюю книгу, прочитав которую каждый сможет сказать: «Это про меня».

Бенджамин Литал

Карта Талсы

Benjamin Lytal

A Map of Tulsa

Copyright © Benjamin Lytal, 2013.

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Penguin Books, a member of Penguin Group (USA) Inc.

© photo by Annie Bourneuf

© Федорова Ю, перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Часть I

1

Помню, какая жара стояла в тот день, когда я приехал домой. Я прижался лбом к панорамному окну в доме родителей, солнце жгло прямо сквозь стекло. Талса. Я провел в пути несколько дней, на юг по 169-му шоссе, и вернулся сюда, пролетев через Броукен-эрроу по старым дорогам со свежей энергией. Родители встретили меня очень тепло. Но я все же решил пройтись по барам.

Я еще ни разу не делал этого здесь, в городе, где ходил в начальную школу и старую добрую церковь с синим ковром. Но я хотя бы знал, где их искать: в районе со складами, через дорогу от мексиканского ресторана, в котором теперь после церкви обедают родители, тянется целый ряд баров. Документов там не спрашивают. Когда я припарковался, стало так тихо, что слышно было тиканье часов на приборной панели. Пока я сидел и наблюдал, из «Блюмонта» вышли три девчонки-подростка в деревенских платьях и закурили сигареты. Солнце садилось, кирпичная стена словно горела огнем. Девчонки по какой-то причине остались стоять там, щурясь от солнца и как будто ожидая расстрела.

В колледже я, может, и кичился тем, что вырос в Талсе, хвастаясь, в зависимости от контекста, тем, что воспитан в Южной баптистской конвенции, что палил из дробовика ради развлечения, что был ярым бойскаутом, может, и поддакивал, когда кто-то с улыбкой говорил, будто Талса – это такая классическая кантри-провинция из вестернов, бастион республиканской бредятины, и что народ тут простой и добродушный. Так вот, лично я никакого добродушия в Талсе не замечал: тишина пригородных двориков тут перетекает и в район небоскребов. Я, на самом-то деле, еще ни разу в своем родном городе не видел, чтобы столько людей сразу разговаривали друг с другом и визжали, как в этом баре.

Я был человеком непосвященным, все мои предыдущие эксперименты с алкоголем ограничивались фуршетами в старших классах, а заказывать мне ни разу ничего не доводилось.

– Водку, – просто сказал я.

– И?

– И все.

Ставя передо мной стопку, бармен старался на меня не смотреть.

Я расположился за небольшим столиком, небрежно открыл блокнот и принялся выводить карандашом причудливые узоры. Позади меня на стуле возле бара сидел мужчина постарше, я представил, что в кармане у него лежит расческа и что он заигрывает с парочкой женщин (теми, что визжат). В другом конце зала, за бильярдным столом, какой-то парень с голосом, как у ящера, пытался вести разговор с барменом.

– Мне нужен миллион долларов, – говорил мужчина постарше. – И больше ничего.

Женщины завизжали.

Я старался не поднимать голову. А бар все наполнялся. Прикрыв блокнот салфеткой, я встал, чтобы сходить к стойке и заказать еще. Но медленно сел обратно. Потому что увидел знакомую. Она сидела сгорбившись и, на зависть

мне, казалась регулярной посетительницей заведения. Мы с ней одновременно учились в старших классах. А теперь она сидела и слушала другую девушку, поменьше. Лицо у нее при этом было спокойным и ничего не выражало, губы ничего не выражали, глаза – тоже ничего, разве что некий скептицизм. Я знал, что сейчас ее имя всплывет в памяти, но старался не дать этому случиться. Я в тот день не был готов к дружескому общению. Тем не менее я все вспомнил: всю ее компанию, на каком лестничном пролете они обедали...

Эдит Альтман. Вспомнив имя, я автоматически встал.

– Эдит Альтман, это ты?

Это была она.

– Я всегда дружил с Томом Прайсом, – я принялся ей подсказывать, – Джейсоном Брюстером и Ронни Тисдейлом. – Следуя какой-то извращенной логике, я назвал самых непопулярных ребят из тех, с кем общался. – И Робом Поумроем.

– Роб Поумрой, унабомбер?

Я улыбнулся, хотя меня это несколько уязвило.

– Ага, – ответил я, – точно. Хотя, насколько я помню, это Роб всегда прикалывался над тем, как я одевался.

Она как будто бы засмеялась. Ее подружка пялилась на меня.

На тот момент, когда я заходил в «Блюмонт», число местных знакомых, с которыми я мечтал бы пообщаться, равнялось нулю. Для меня вся Талса – это горстка сверстников, с которыми я познакомился в церкви; пацаны из отряда бойскаутов; ну и, конечно, четыре сотни учеников школы Франклина. «Круг» моих друзей из старших классов не стоил ни цента: кучка отбросов, социальных калек – мы держались друг друга, только чтобы выжить, но никакого удовольствия от общения не получали.

Эдит подалась назад, как будто вспомнила что-то.

– Ты встречался с Эммой.

Эмма была отличницей и произносила прощальную речь, когда мы заканчивали школу.

Кажется, некоторые запомнили меня только потому, что я бегал за Эммой всю весну перед выпускным, как щенок. Так что я с огромной радостью сообщил Эдит, что понятия не имею, где Эмма проводит это лето – может, у нее практика какая-нибудь.

Сейчас мне удалось напустить на себя скучающий вид, я отставил одну ногу назад и балансировал перед Эдит с ее подругой, словно балерина.

– Ой, извини, это моя подруга Кэм. – Эдит стала рассказывать ей, кто я такой. – Джим был загадкой наших старших классов. Эмма начала с ним встречаться, и после этого мы ее не видели. А мы вообще не знали, что он за человек. С остальными он общаться отказывался.

Я собирался развернуться и уйти – не люблю, когда обо мне так свысока. Эдит все рассказывала, а эта Кэм лишь хлопала ресницами. Я хотел их оставить. Поздоровался, и достаточно.

Но Эдит попросила показать ей блокнот.

– И принеси нам пару шотов, – подсказала она.

– Читай стихи, – крикнул я, когда подошел к стойке. – Рисунки – это так, ну, реализм! Мне бы поучиться.

Когда я заказал не просто водку, а три «шота», бармен улыбнулся. Он же видел, как я пытался завести с ними дружбу.

Вернувшись за столик, я понял, что Эдит отнеслась к моим стихам со вниманием.

– Вообще-то они хороши, – сказала она.

Как ни нелепо, мы не выпили сразу. А стали вместо этого обсуждать разных поэтов – пока я, похоже, не слишком разошелся на тему, кто мне нравится, а кто нет, после чего поступило предложение прогуляться.

– Башня «Би-Оу-Кей» такая красивая, – сказал я, как только мы вышли. Стемнело, и небоскребы по ту сторону железной дороги выглядели как величественные голограммы.

Кэм, как я к тому времени выяснил, была не из Талсы. Она училась с Эдит в колледже и приехала с ней сюда.

– Разве не безумный город? – спросил у нее я. – По ту сторону дороги мы настроили небоскребов, а с этой только склады, и ничего более.

– Кэм из Хартфорда.

– Наверняка крутой город, – ответил я.

Кэм показала на ту сторону.

– Это там тусуются подростки?

В тени между небоскребами лежала полутемная площадь, над которой возвышался лязгающий флагшток. В свете охранных прожекторов мелькала мошара, а в темноте, судя по звукам, гоняли скейтбордисты. По-моему, эта площадь называлась «Центром вселенной». За мощное эхо, достойное занесения в Книгу рекордов Гиннесса. Но раньше мне все казалось, что у меня нет права туда соваться.

– Хотите, пойдём туда? – спросил я.

– Мы вообще-то думали сходить потанцевать.

Значит, для «Центра вселенной» мы слишком стары, – осознав это, я не особо расстроился.

Эдит – которая старалась соблазнить как меня, так и Кэм, – объяснила, что в заведении «Бальный зал Каина» сегодня «ночь ретро».

– Это самый старый клуб Талсы, – сообщила она подруге. – Работает со времен сухого закона.

Я поднял палец.

– А можно сначала дозаправиться в «Блюмонте»?

– Ну, выпить можно и у Каина, – ответила Эдит. Я заметил, как она улыбнулась про себя.

Танцевать я научился в дискуссионном лагере, когда всепроникающая атмосфера умничанья надрывалась в маниакальном порыве и парни начинали танцевать друг с другом, выкрикивая партнеру в лицо слова песен. Но мы тогда совсем не бухали. Еще я недолго ходил на уроки танцев в колледже. И все. А у Каина я выдал какую-то совершенно безумную чечетку, чем, кажется, немало удивил своих новых подруг.

Эдит вскинула брови. Пол там был деревянный, доски лежали на старых стальных пружинах – реклама гласила: «самый большой напружиненный танцпол к западу от Миссисипи». Идя в туалет, я прямо чувствовал, как он вибрирует под ногами, подобно великанскому матрасу.

«Бальный зал Каина» был невысоким и квадратным. Его яркая вывеска испокон веков торчала рядом с виадуком, но я ни разу туда не заходил. На стене красовался портрет Боба Уиллса и всех его техасских плейбоев[1 - Джеймс Роберт Уиллс (1905–1975) – американский свинговый музыкант, основатель группы «Техасские плейбои»]. Тем не менее в этом кабаке игралось то, что в конце девяностых называли «ретро» – то есть музыка восьмидесятых. Вокалисты-мужчины изображали умирающих злодеев и ходили по сцене на заплетающихся ногах. Они стонали. Женщины, в свою очередь, пели пронзительно. Попсово. В последних классах школы я наслаждался этой музыкой в уединении. В наушниках. Я считал ее своей старшей сестрой – на самом деле я был единственным ребенком у родителей.

Пока мы шли туда, Эдит продолжала хвалить мои стихи. Она, наверное, решила, что мне надо внушать уверенность в себе. Я не совсем понимал, как это воспринимать. В колледже мы друг друга только критиковали. Но Эдит меня сильно опережала – по жизни. Во время танца она вдруг остановилась, схватила за шлевку высокого симпатичного мужчину в спецовке.

– Терри в тюрьме работает, – сообщила она, представляя нас друг другу.

– Мне так хорошо, – сказал Терри, он все держал руку на груди, растопырив пальцы, и улыбался, словно не мог отдышаться. – Отличный вечер. Я перестал обо всем этом думать.

Эдит шепнула ему что-то на ухо и бросила взгляд на меня.

Сама она танцевала чисто формально. Голова опущена, шишечка на позвоночнике ходила вверх-вниз, как верблюжий горб. Хлопала она тоже очень вяло, равнодушно. Кэм подпрыгнула, схватила Эдит за руки, поцеловала ее. Выглядела Эдит глупо: Кэм Талса уже наскучила, а она пыталась ее как-то развлекать.

Клуб наполнялся. Прямо посреди песен меня знакомили с какими-то людьми из Дженкса, Юньена, Броукен-эрроу[2 - Названия школ.]. А во «Франклине» никто из них не учился. Это меня радовало. Мне нравилось, что меня никто не знает. Во время танцев я держался поближе к Кэм – надеясь донести до нее, что и я тут чувствую себя чужаком. Время от времени я удалялся к бару, а наш круг все расширялся.

Я глотал выпивку, а потом поспешно возвращался и танцевал со все большей экспрессией. Меня охватил испуг, когда наш круг решил сделать передышку и все толпой протиснулись через боковую дверь на принадлежавшую клубу треугольную площадку, над которой проходило шоссе. Над головой урчали машины и рассекали воздух, словно ударами хвостов, но нам было все равно, потому что в ушах и без того звенело. Чтобы поговорить, приходилось кричать, хотя лично я молчал: у Эдит было очень много знакомых, многие из них видели Кэм впервые – так что нужно было ее всем представлять. Я в одиночку прокрался в шумный и пропахший потом клуб и начал двигаться, особо не задумываясь. Наверное, я выглядел как спортсмен, у которого закончилась официальная тренировка, но осталось время на свободный полет: с одной

стороны, сил уже не осталось, а с другой – сходить с беговой дорожки тоже еще не хочется. Мне нравилось, что вокруг полно народу, а для меня это большой подарок. Взгляд, отскакивая, метался между интересными мне объектами, которые удавалось заметить в этой суматохе, – девушки, их волосы, их туфли. Рядом отплясывал и короткостриженный пацан в толстой кожаной юбке. Из Катусы, наверное, или еще откуда. Ножки у него были тоненькие. Он, наверное, краситься начал уже в шесть и прибежал сюда пораньше, и, полагаю, больше из его школы на «ночь ретро» никто не ходит.

Изначально я этим летом планировал остаться в колледже. Я попытался устроиться в нашу газету на каникулы. Но меня не взяли. А идей, где можно поработать еще, у меня не возникло. В любом случае, как я детально объяснил родителям, а они у меня оба преподают в государственной школе, я собирался львиную долю времени посвятить чтению, так что все равно. Я хотел изложить им это все, донести, что вообще-то я планировал летом работать, но в этом году мне лучше заняться самостоятельным обучением, без стороннего контроля, подготовиться ко второму курсу и выбрать специализацию. Я не обрадовался тому, что в газету меня не взяли, но сказал сам себе, что, может, оно и к лучшему. Что это все не просто так – по мере того как второй семестр приближался к концу, я все больше отдавался потоку, с каждым днем мне все меньше и меньше хотелось придумывать какую-то еще работу, и тут на поверхность всплыло мое тайное желание, возвращение домой, планировавшееся на крайний случай, и оно воплотилось в реальности – но я не признавал, что хотел именно этого, наверное, до того момента, как оказался у Каина. Когда Эдит с тусовкой вернулись на танцпол, мне пришлось стараться не обращать на них внимания, чтобы не потерять мысль. Но чем больше я закидывался на себе, рассчитывая свои полуобороты так, чтобы заглянуть в глаза разве что кое-кому из девчонок, хотя в целом я просто колбасился сам по себе, – тем больше мне хотелось выйти на улицу и снова взглянуть на Талсу.

Ко мне подошла Эдит.

– Слушай, мы, наверное, скоро пойдем.

К машинам мы возвращались в приятной тишине и усталости. Кэм что-то тихонько напевала. Я надеялся, что ей понравилось. Мы шли не спеша. В свете старых фонарей тротуар, усыпанный битым стеклом и пожухшей травой, казался оранжевым.

Молчание нарушил я.

– Мне понравилось.

– Судя по твоему виду, ты хорошо оторвался, – сказала Эдит.

Я не ответил.

Эдит продолжила:

– Эдриен Букер в эти выходные празднует день рождения. Хочешь пойти?

Я вспомнил какую-то Эдриен, бледную напряженную девушку со сломанным носом – она всегда обедала за столиком для пикника возле сборных домов. Обычно одна. Эта девушка казалась бедной, но вместе с тем сидела всегда с прямой спиной, с царственной осанкой. С ней, наверное, что-то случилось, подумал я. Я не помню ее на выпускном.

– Она во «Франклине» училась?

– Да. Придут ребята, которых ты знаешь. Вообще-то вечеринка будет дома у Чейза Фитцпатрика.

Это мне не понравилось. Я не хотел видеть людей, которых «знаю». Чейз Фитцпатрик был крутым преппи, в том смысле, какой лично я вкладывал в это слово. Интересно, с чего Эдит тусоваться с ним. Или с этой Эдриен.

– Она разве не одна все время держалась?

– Знаешь нефтяную компанию «Букер петролеум»? – спросила Эдит.

– Ну?

– Эдриен Букер. Она живет прямо на вершине «Букера».

– Это небоскреба?

– Она остается без наследства, но все равно...

Я посмотрел на идущую впереди Кэм. Она казалась такой миниатюрной и шла по тротуару зигзагом – ей снова стало скучно. Ей, наверное, Талса казалась западней – все наши разговоры ее не интересовали.

– Думаю, ты Эдриен даже немного понравишься, – сообщила Эдит.

Тем летом я вернулся в Талсу по разным причинам. Доказать, что это город-пустышка. Но с надеждой, что это не так. Я попрощался с Эдит и пошел через пути. Всю последнюю неделю я раздраженно колесил по городу. Но теперь у меня появились основания полагать, что я двигаюсь куда надо. Устало плетясь по обрубочной улице, которая вела к «Центру вселенной», я услышал чей-то разговор. Но оказалось, что это всего лишь пара мальчишек, и они меня гнать не стали. Ребята сидели у стены, в капюшонах, словно какие-то старомодные бродяги, их лица освещались огоньком трубок. А я сел на ветру. У меня не было ни доски, ни бутылки, которые объяснили бы мое тут присутствие, но меня это все равно не смущало.

Звук чиркающей зажигалки мальчишек обжигал стены. Мне они жутко нравились – эти небоскребы. Я бывал в больших городах, где горизонт еще больше изрезан высотками – в городах, похожих на линкоры, темных и ошестинившихся. Но именно простота линии горизонта в Талсе всегда ставила меня в тупик.

Я вспомнил, что даже в раннем детстве, когда мы ехали обратно в город, я всегда знал, когда увижу ее, и натягивал ремень безопасности, чтобы не пропустить момент, когда за окном появится эта картина. И именно тогда я чувствовал, что мы уже дома: эти башни как будто трубили в фанфары на въезде в центр. Считалось, что это наш замок.

Да, мы ездили в центр Талсы в церковь или, например, на что-нибудь вроде «Ледового шоу Диснея», но улицы были бледными, тротуары – безупречно чистыми; и я тщетно выглядывал из окна машины, высматривая в ближайших стенах на уровне человеческого взгляда хоть какое-нибудь свидетельство тому, что тут, в центре нашего города, есть жизнь. Но Талса была мертва. И лишь

далеко отсюда, на больших экранах в раскидистых одноэтажных мультиплексах, существовал образ моего идеального города: какой-нибудь Чикаго или Бостон, с переплетающимися дорогами и бесшумными вращающимися дверями, с толпами пешеходов в центре города, пробками, недовольными сигналами водителей – звуки приглушаются, когда актриса, живущая на высоком этаже элегантного пентхауса со стеклянными стенами, закрывает окно, и тут начинается сюжет.

Вот так я выносил идею, что подобная жизнь (жизнь большого города) – это утерянное искусство. Если она и есть в Талсе, то лишь на самых высоких этажах. Иногда я замечал ее следы то тут, то там – например, в центре, в барах на Черри-стрит, мимо которых мы проходили, когда я встречал маму после работы в вечерней школе – люди возле этих баров смеялись, женщины в колье хохотали.

В последних классах школы, когда мы ужинали всей семьей, я обычно вставал из-за стола, брал в качестве реквизита отцовский фотоаппарат и отправлялся в центр, ехал по шоссе до внутренней кольцевой развязки. И ты выезжаешь на четырехполосный бульвар, замедляясь до сорока километров в час; останавливаешься на никому не нужном светофоре, мотор рычит, оставшись без дела, словно какое-то чудовище, пожравшее всех людей, которым не посчастливилось оказаться поблизости – на улице совершенно никого нет. Может, выйдешь и сфотографируешь какое-нибудь граффити или разбитое окно, но, как правило, в этом городе даже следов хулиганства не видно, он просто мертв. Хотя я однажды наткнулся на еще одного фотографа, женщину в пухлой жилетке. Я спустился на засыпанный гравием берег водохранилища, что к северу от Хаскела, и вдруг услышал, как метрах в десяти от меня с наветренной стороны щелкает затвор. Она сразу же отвернулась, я еще какое-то время шел за ней на некотором расстоянии, пока она не села в машину и не уехала. Потом я улетел в колледж. А теперь я снова здесь.

По моим ощущениям, на вечеринку к Чейзу я приехал поздновато. Машины уже стояли рядами по обе стороны улицы, так что мне удалось найти местечко только через два перекрестка, а потом пришлось переться всю дорогу назад мимо чьих-то дворов. Я не спешил, разглядывал веранды домов, что побольше, и

воображал, каково это – жить в таком.

Надо было бы договориться с Эдит и прийти вместе, но мне не захотелось брать на себя эту обязанность. Я ужасно боялся предстоящего. Я-то думал, что такие имена, как Чейз Фитцпатрик, навсегда выветрились из моей головы. Он был всеобщий любимец, блондин, актер и принц. Шальной сынок богатых родителей. Кто-то где-то слышал, что Чейз снимает порнографию, у меня в голове такое просто не умещалось. Но он действительно делал какие-то фильмы, однажды даже добился разрешения снимать все выходные пустой главный коридор школы – по всеобщему признанию это было просто непостижимо и очень круто. Но для меня все равно Чейз всегда будет лишь парнем, который ездил на новом джипе и тусовался только с ребятами из семей того же уровня достатка, плевался на школьной стоянке и изящно загибал козырек бейсболки. Я думал, что иду на встречу с подобными людьми.

Но когда до цели оставалось два дома, мне стало казаться, что стиль у вечеринки будет совершенно иной. Ребята, собравшиеся на веранде, только в свете фонарей выглядели щеголевато; гости вовсе не походили на напыщенных и лощеных друзей Чейза; они были тощие и неряшливые, я уловил запах лака для волос и гвоздики. Наверняка меня никто не знает. В темноте слышался девичий смех – фальшивый, кудахтающий и вычурный. Но мне было все равно. Мой пиджак неким абсурдным образом делал из меня человека, способного простить подросткам их розовые волосы и собачьи ошейники, я был словно полицейский, у которого у самого такая дочка. Он просто спокойно пробирается сквозь толпу.

А в доме оказалось полно взрослых. Мне стало интересно. Свет люстр был ярким, и в толпе бунтующих подростков негромко общались мужчины и женщины за сорок и даже за пятьдесят, разбившись на пары или группы из нескольких человек, что говорило о глубоком взаимном понимании собравшихся и их благочестивом воспитании. Из соседней комнаты доносилась громкая танцевальная музыка, но, похоже, никого это не смущало. Я прошел между взрослых, к их возрасту я относился с презрением, но вместе с тем завидовал их дружбе и думал, не захочет ли кто-нибудь из них остановить меня и обратиться с вопросом – я же парнишка, немного похожий на них. Обойдя одного довольно крупного мужчину, я увидел десертный стол: там стояла Эдит, жующая торт, она позвала меня жестом.

– Иди скорее, надо познакомить тебя с Эдриен.

– Кто все эти люди?

– Вообще-то мама Чейза ежегодно устраивает вечеринку в эти числа, и она всегда совпадает с днем рождения Эдриен. Так что ребята тоже собираются.

– Чейз с Эдриен родственники?

– Давно дружат семьями.

В передней части дома Эдриен найти не удалось, так что мы отправились в экспедицию в заднюю часть. Я шел вслед за Эдит вверх по одной лестнице, вниз по другой, по бесконечным коридорам. Дом Чейза по размеру был как маленькая космическая станция – если бы Эдит оставила меня одного, я с удовольствием заходил бы во все двери – в комнаты с крошечными мансардами, в комнату с телескопом, в комнату совсем без мебели, в которой лишь встроенные шкафы во всю стену, в библиотеку. Но увы, в одной из комнат внизу оказался домашний кинотеатр, и она была набита битком.

Прислонившись к дальней стене, стояла девушка, эта самая Эдриен. Она была похожа на статую, освещаемую мерцающим светом с экрана. Ее нос с переломом разжег искру воспоминаний: но сейчас она казалась выше, она как будто бы возвышалась надо мной; может, это освещение давало такой эффект. Я увидел, что проектором управляет Чейз – казалось, он скучает, как минотавр в центре своего лабиринта. Я снова перевел взгляд на Эдриен, а она поймала мой взгляд.

На экране картинка низкого качества, снято в семидесятые. Какой-то банкет. Обнаженные девушки ввозят огромное блюдо с крышкой, останавливаются, снимают крышку, а под ней разноцветные фекалии. Гости принялись кричать, фыркать, хлопать, я тоже попытался рассмеяться. Когда я лишь изображаю улыбку, напрягаю челюсть и обнажаю зубы, она выходит похожей на оскал. Я не отважился отвести взгляд от экрана. Конечно, именно такие фильмы они и смотрят. Но смеялись не все. Кто-то ежилась от отвращения, кто-то застонал: Эдит сделала вид, будто ее тошнит. Но я должен быть из тех, кто и не поморщится. На экране дрожащая рука поднесла к соску мальчика горящую спичку.

Казалось, что фильм был долгим, но уже приближался к концу. Там снова фигурировало какое-то говно, я обвел беглым взглядом других зрителей – и остановился на Эдриен. Она тоже смотрела на остальных. Наверняка она уже видела этот фильм и изучала сидящих в полукреслах друзей, хотя выражение ее лица было нетерпеливым. Эдриен не была столь же хорошенькой, как итальянки в фильме, но волосы такие же светлые, кожа такая же чистая, как у самых красивых из этих актрис, и она казалась... намного живее. Что-то в ее лице заставило меня встать на ее сторону. Против Чейза. Я, естественно, предположил, что она – его пленница.

Когда на экране вспыхнула надпись «Fine»[3 - «Конец» (ит.)], Эдриен встала первая; она дернула за веревочку рулонного экрана, наклонилась, на ней были отличные джинсы, подчеркивающие ее небольшую попку, как бы намекая; потом она распрямилась, окинула взглядом собравшихся и пошла к дальней стене, ее светлые локоны покачивались, как боа из перьев. А зрители зааплодировали. Когда включился свет, я с радостью рассмотрел Эдриен в цвете: серая футболка, руки розовые. Она хлопнула Чейза по ладони, а он схватил ее за руку и не отпускал, пока она не повернулась вокруг своей оси.

Эдит выставила меня вперед.

– Это Джим.

– Серьезный фильм, – прокомментировал я.

– Говно, а не фильм, – ответил Чейз. А Эдриен смотрела на меня. С каким-то странным напряжением во взгляде.

Кто-то рыгнул. Остальные повставали и стали ждать, когда представится возможность похвалить Эдриен за удачный выбор фильма. Все были возбуждены: по всей видимости, он был запрещен в США. Эдриен, которую в школе я ошибочно считал белой вороной, обходилась с толпой гостей как королева. Многим она лишь улыбалась. Я уже хотел было слиться из комнаты, но Эдит вынудила меня остаться. Наверное, она рассказала что-то Эдриен обо мне. Вскоре все засуетились. Чейз прошел, толкнув меня локтем, с пленками под мышкой.

– Почему ты выбрала этот фильм для дня рождения? – спросил у нее какой-то сонный на вид парнишка.

– Может, из протеста против дня рождения, – предположил я.

Но меня никто не услышал. Всем не терпелось поскорее выйти и забыть об этом кино. Толпа со свистом удалилась. В комнату заглянул высокий яйцеподобный мужчина.

– Тетя уходит. – Выразительно посмотрев на Эдриен, он исчез.

Она осталась одна – если не считать меня и Эдит.

– Напомни свое полное имя? – спросила она.

– Джим Прэйли.

– Хорошо. – Она взяла меня за руку. – Ты не против, если я его уведу?

Эдит махнула рукой так, словно только и мечтала от меня отделаться.

– Итак, Джим Прэйли. Весело ли тебе на моем дне рождения?

– Ну, я вообще-то еще ничего не выпил.

На это Эдриен не ответила.

– Мне очень нравятся эти твои коридоры, – добавил я.

– Они не мои.

– А, да.

– И что же тебе в них нравится?

– Они кажутся такими абстрактными.

– Хм. Давай-ка поподробнее.

– Думаю, это из-за того, что стены однотонные, и ковер такой... как будто их нарисовали на компьютере, а потом размножили до бесконечности.

– И тебе такое нравится.

– Да. Создается ощущение, что это все сделано в твоей голове.

Она поджала губы.

– Конкретно в моей?

– А у тебя нет ощущения, что я иду по коридору в твоей голове?

Эдриен прислушалась к своим ощущениям.

– Да. Возможно.

– Вот это, наверное, мне и нравится.

Выражение лица у нее стало озабоченным, она приложила руку к макушке.

– Куда мы идем? – поинтересовался я.

– Мне надо с тетей попрощаться. А ты будешь обязан меня от нее спасти, – Эдриен посмотрела на меня. – Просто ты учишься в том же колледже, куда ходила Лидия.

Эта самая Лидия лишь иронично взглянула на мой пиджак, после чего перестала меня замечать. Она смотрела только на племянницу, улыбаясь. Женщина среднего возраста, густые волосы обрамляют голову, губы сложены в довольную улыбку.

– Было так весело!

– Да, точно, – ответила Эдриен. – Почти все в жизни весело.

– Ладно, – тетя проглотила ее слова. Она собиралась уходить. Ее водитель уже даже мотор завел. – Мы друг друга не убили!

– Да.

– Мы идем на сближение.

– Идем на сближение.

Лидия скрестила пальцы и потрясла в воздухе рукой, а потом залезла на заднее сиденье своего таун-кара.

– Хорошо прошло, – прокомментировала Эдриен, когда машина выехала. – Совсем не как раньше.

– Вы ссорились?

– Ну, Чейз всегда настаивает на том, чтобы мы были приветливы друг с другом. На подобных сборищах. – Эдриен посмотрела на собственные ноги. – Ну что, вернемся на вечеринку?

Взрослых в доме становилось все меньше. Многие пришли только на ужин, который устроили миссис Фитцпатрик и некто по имени Альберт Дуни – как раз тот самый яйцеобразный мужчина, который секунду назад вызвал Эдриен; это, как я вскоре узнаю, крупный местный импресарио. Специализировался он на молодежи, но мог развлечь и взрослых. Через дверь, которая вела в столовую, я мельком увидел стол, на котором в беспорядке стояли коробки с заказанными тортами на салфеточках, бокалы с вином – некоторые даже еще полные. Но в основном в тот вечер пили из пластиковых стаканчиков.

Эдриен в свете люстр продолжала управляться с нескончаемой вереницей желающих ее поздравить. В основном вся тусовка вращалась вокруг нее, цепляясь, как цепь за ступицу. По моим ощущениям, она не особо близко знала

собравшихся – такого неуместного чувства стадной принадлежности, как у Эдит, у нее не было. Наоборот, Эдриен отличалась даром, который я научился видеть в колледже у лучших, еще не выпустившихся политиков: превращать каждый разговор в некую проверку, задавать вопросы каждому интервьюируемому сверху вниз. А себя она никак не выдавала – и изящно завершала разговор, когда удобно ей. Общаться подобным образом со сверстниками очень трудно. Я предположил, что не всем ребятам это, наверное, нравится. Но Эдриен при этом пользуется уважением.

Я взял на себя обязанности бармена и за последующий час, разливая напитки, побеседовал с полдюжиной практически не знающих друг друга ребят. «Не понимаю, как открыть эту бутылку», – дурашливо говорил я. Алкоголь сделал меня очень любезным, и я с радостью стал главным возле бочонка, подавая незнакомцам стаканы, в которых плескалось пиво, – Эдриен попрощалась со мной взглядом. Парнишка с вытатуированными крестами на запястьях показал мне, как управляться с неоткрытыми бочонками, и я начал разливать. В течение некоторого времени я и сам был пьян. Люди подходили и снова уходили, я спрашивал, что они будут заказывать, словно я тут в доску свой или вообще владею заведением. «Что будешь?» К моему облегчению, ко мне подошел парень, которого я помнил со школы, но едва-едва, а я обрадовался ему, как старому другу. Он вообще не понял, кто я такой, но тоже был весьма рад, я энергично пожал ему руку, он удовлетворил мое внезапное любопытство на тему, как его зовут и в каком классе он учился.

Эдит я нашел наверху, она сидела на скамье в эркере, и вся гостиная была у ее ног. Я ввалился в комнату, забыв, что это Эдит меня сюда пригласила и что я ей за это обязан. Я растянулся рядом с ней и рассказал, что делал.

– Не знаю, понимал ли я это в школе, – сообщил я, – но Эдриен Букер впечатляет, – я принялся водить пальцем по занавеске с философским видом.

Эдит показала мне язык.

– Некоторые ребята считают ее... надменной.

– Я тоже надменен. – Я махнул рукой в сторону окна, за которым уже стояла тьма. Меня заполнила какая-то восхитительная пустота. – Но у нее это лучше получается. Ей как-то больше идет.

– А как Лидия?

Вскинув брови, я обнял Эдит за талию. А голову положил на плечо.

– Да. Когда увижу ее в следующий раз, попрошу у нее руки ее племянницы.

Эдит оттолкнула бутылку водки, которую, как дружелюбный слоник, протянула ей Кэм, полусидевшая, полулежавшая рядом с нами, предварительно постучав меня по ноге. Но я поднялся и вместо водки взял гавайский пунш.

– Тут можно прямо почувствовать молекулы «Нутрасвита», они перекачиваются во рту, как ягоды ежевики.

– Там внизу и другие девушки есть, – сказала Эдит.

– Да, но они неглубокие, а Эдриен совершенно другого уровня.

– Тебе, похоже, больше подружка нужна.

Я закатил глаза.

– Куда уж больше? Что, чем меньше она будет как Эдриен, тем больше годится в подружки? Мне кажется, Эдриен довольно хороша. – Я вспомнил о том, что я – единственный мужчина в комнате, и закрыл лицо подушкой. – Извините, я себя таким минотавром чувствую, мне надо пойти в другую комнату.

В итоге я положил голову Кэм на колени. Ноги у нее были тонкие и скользкие – из-за шелковых штанов. Так что вертеть головой не получалось.

– Каково твое впечатление от молодежи в Талсе? – поинтересовался я.

– Пьянчуги, – ответила Кэм.

– Именно этим они так хороши.

– Тебе нравится состояние опьянения? – спросила она.

– Думаю, да. А разве не должно?

– Некоторым с первого раза бывает противно.

– Почему? – не понял я.

– Не хватает контроля над собой.

– Я и трезвый себя не контролирую. Я вынужден лишь пассивно наблюдать за собственным бездействием.

Вечеринка, кажется, и не собиралась кончаться.

Внезапно все перешли на улицу – как будто до этого шел дождь, а потом прекратился, или вроде того. Я обнаружил у себя под ногами кирпичную террасу, а за ней росла трава, а еще дальше – огромные деревья. Ночной воздух превратился в алоэ.

Дворы в этом районе были огромными, неправильной формы, и оттуда, где я стоял, казалось, что деревья сливаются в бесконечный огромный лес, самые прекрасные задворки Талсы. Может, и за «Филбруком» были такие же. «Филбрук» – это бывший дворец одного нефтяника, который уже тысячу лет назад передали художественному музею, туда можно делать вылазки на несколько дней – это огромный участок земли с длинным искусственным водоемом и поросшими травой склонами, и хотя я вырос в так называемой сельской местности, именно там такая идиллическая пастораль, которой я нигде больше не видел. Мы ходили туда на «Сон в летнюю ночь»[4 - Пьеса У. Шекспира.] – пьесу ставили летней ночью. И темная лестница заднего крыльца точно так же напоминала изгиб лебединой шеи, как и в «Филбруке», ей была присуща та же итальянская элегантность, которая, по всей видимости, так очаровывала нефтяных магнатов, строивших Талсу.

Я спустился и пошел по траве, никем не узнаваемый, через кучки ребят, кутивших в темноте. Впереди кто-то купался голышом; я забрался поглубже в освещенный луной лес и внезапно наткнулся на огромный монолитный садовый стол, инкрустированный перламутровыми знаками Зодиака. Пробираясь обратно

к дому, я был даже склонен считать, что этот стол меня напугал. Я обрадовался, вернувшись к окнам, из которых лился желтый электрический свет. Кто-то вынес сэндвичи с курятиной, я взял один и устроился на перилах террасы, чтобы посидеть и прояснить мысли.

Сэндвич был вкусный. Мне казалось, что на этой вечеринке я хорошо справлялся. Размышляя я в основном об Эдриен Букер. Будут ли еще подобные тусовки или я могу пересечься с ней где-то в городе? Я почему-то сильно сомневался, что она пошла бы куда-нибудь вроде «Ночи ретро». Но меня теперь заинтересовали все возможные варианты. Эдит мне покажет. Если только Эдриен одна не занимает весь высший уровень. Я снова спустился на траву, проверил, заперта ли дверь в подвал; она открылась, и я увидел крепкую лестницу. Сунув за щеку последний кусок сэндвича, я спустился по ступеням и пошел по подвалу. Я внимательно прислушивался к скрипу половых досок над головой: празднование продолжалось, а я тут, внизу, иду по бетонному полу.

От каждой лампочки тянулся тоненький шнурочек, я дергал за него, и за спиной у меня становилось светло. Подвал оказался бескрайним, как древнее хранилище, узкие дорожки петляли между укрытой тряпками мебелью. Я нашел английское седло, оно уже покрылось плесенью, но форма очень выразительная, как полный энергии черный язык. Множество и множество коробок с бокалами, обитые бархатом коробки со столовым серебром: скопившееся наследство от дедов? Я так полагал, что родители Чейза еще живы. Еще я увидел до ужаса реалистичную маску медведя, по-моему, даже из натурального меха, но остальное все доработано вручную, щеки и подбородок изнутри подшиты хлопчатобумажной тканью с турецкими огурцами. А смотревшая на меня морда была мягкой, как шкурка ягненка, и сморщенной, как перчатка, с искусственными черепаховыми ноздрями. В качестве крепежа был не шпагат или резинка, а уже растрепавшиеся шелковые ленточки.

Я надел маску и продолжил свою экскурсию в таком виде. Это оказалось верное решение: я выглядывал из двух дырочек-глаз, а все остальное лицо было покрыто мехом, одновременно и нелепо, как кукла из «Маппет-шоу», и страшно. Я пошел к лестнице, которая вела в дом, собираясь подняться к гостям и произвести на них впечатление.

Но кто-то, наоборот, решил спуститься вниз. Дверь сверху со стуком открылась, судя по голосам, в подвал направлялось довольно много народу. Я застыл. Мне не хотелось, чтобы меня тут застали. Но не хотелось и маску снимать.

– Гррр, – в шутку забулькал я.

У подножия лестницы столпился отряд человек из пяти-шести, в том числе и Эдриен с Эдит.

– Что это? – склонив голову, спросила Эдриен. Я решил снять маску. Она даже вспомнила мое имя, – Джим.

Потом посмотрела на Эдит, поскольку я был ее подопечным. Но она выглядела не очень уверенно. А Эдриен светилась от любопытства.

– Что это за маска?

Я развернул ее и приложил к лицу Эдриен.

Получился такой стройный медведь.

– Ты для нее слишком высокая, – сказал я.

Остальные не понимали, что происходит. Эдриен вспомнила, что они ждут.

– Мы хотели кое-какие таблеточки принять, – сообщила мне она. – Будешь с нами?

Чейза среди них не было, Кэм тоже. Я никогда раньше не пробовал наркотиков.

– Конечно, – ответил я.

Хотя в подвале, кроме нас, никого не было, мы решили уединиться еще больше в пустой комнате сбоку. Эдит, которая много чего улавливала интуитивно, подобралась поближе ко мне, собираясь рассказать, что именно мы собираемся съесть. Но я отскочил от нее. Таблетки разложили на столе.

– Нужен острый нож, – сказала Эдит, – разрезать таблетку Эдриен.

Мне было несколько стыдно, что ей придется со мной делиться, но я не хотел отступать.

– Тут полно столового серебра, – сообщил я и выскочил из комнаты за какой-нибудь из виденных мной коробок. Но в итоге я нашел не нож, а какие-то жутко причудливые филигранные ножницы с огромными ручками, для какой-нибудь модницы с кучей колец, а сами лезвия были короткие, словно толстый пеликаний клюв.

– О, ножницы для птицы подойдут, – сказал один парень, внезапно возликовав, когда я влетел обратно в комнату, размахивая своей находкой. Кто-то даже типа захлопал.

Но таблетка крошилась – как аспирин – и Эдит сказала, что нужен скорее канцелярский нож или бритвенное лезвие.

– Да хрен с ним, – ответила Эдриен, зажала таблетку, которую мы собирались съесть на двоих, между кончиков пальцев и сдавила ее ножницами – эту операцию она проводила на вытянутых руках, как будто брезгливо. Ребята оценили результаты ее работы. Остались два приличных кусочка, хотя большая часть была раздавлена в порошок, который просыпался на пол.

– Уверен, что мне этого будет достаточно, – прокомментировал я.

– Надо вдохнуть порошок. Или втереть в десны.

Эдриен похлопала меня по локтю, ей хотелось смотреть мне в глаза, когда мы глотали эти крошки.

Потом все съели свои таблетки и смолкли – такая церемония меня удивила. Мы убрали стол с дороги, сели на грязный бетонный пол и принялись ждать.

Обстановка напоминала спиритический сеанс. Мы слышали грохот, еще чаще поскрипывание половых досок, иногда даже какие-то приглушенные вскрики.

Я так понял, что вечеринка кончится еще очень и очень не скоро.

Я подумал, не начнем ли мы минут через пять ползать по полу и целоваться друг с другом.

И вот.

– Я чувствую, – сообщил один из парней.

– Надо о чем-нибудь поговорить, – как обычно бесстрастно, предложила Эдит. Но на ее лице уже появилась гримаса экстаза.

Вскоре в комнате уже стоял дикий гомон. Оказалось, что где-то тут внизу есть пианино. И кто-то собрался играть. Мы сможем насладиться опытом так, что «нас никто не побеспокоит».

Я подумал, что моя таблетка тоже сработала, но поскольку я весь такой забитый и неопытный, то просто этого не осознаю – мне надо понять, как заметить эти тонкие перемены, и раздуть это ощущение в мозгу.

Эдриен села рядом со мной на корточки. Она была очень гибкая.

– Мы, наверное, мало съели, чтобы что-то почувствовать. – Она так суежилась из-за этого, как будто я был ее клиентом.

– Все нормально, – я не хотел, чтобы она переживала, – даже почувство... я рад это испытать.

– Иногда нужно все целиком... – Она махнула рукой, не договорив.

– Чтобы подействовало?

Она раскрыла ладони, демонстрируя открытость.

– Может, и лучше, если ничего не будет, – сказал я. – Я хотел с тобой поговорить.

– Да?

А я и не знал, о чем.

– Я нашел кое-что на заднем дворе, – удалось придумать мне. – Можно сходить посмотреть.

Подумав, она неспешно кивнула и поднялась.

Остальные бы подняли суматоху, если бы догадались, что наша таблетка не подействовала. Кто знает, что они думали на самом деле. Эдриен протянула мне руку и вывела из комнаты.

Мы поднялись по задней лестнице, вышли через подвальную дверь на улицу и ступили на траву.

– Там, – сказал я, и мы неспешно побежали в лес.

Но потом пришлось перейти на шаг; было уже темно. Я увидел тот каменный стол.

– Раньше его освещала луна.

Я достал крошечный фонарик, подаренный матерью, его еще используют как брелок. «Чтобы ты мог до машины ночью дойти», – сказала она.

Я махал фонариком, освещая мозаику на столе.

– Это знаки Зодиака, но не греческие, которые нам известны, – я направил луч на округлые фигуры – павлин, краб, возбужденный повар...

– Что это? – Она увела мой брелок с ловкостью вора.

Фонарик был треугольный, как медиатор для гитары. Когда на него нажимаешь, под голубым прозрачным пластиком загорается светодиод с направленным светом.

– Надо это нарисовать, – сказала Эдриен.

– Что?

Она закрыла глаза и навела синий луч на одно веко, потом на другое.

Я попытался придумать, что это за художественный прием.

– Нужного эффекта добиться будет очень трудно, – сказал я.

Эдриен не обратила внимания на мои слова.

– Это глаз инопланетянина, – снова начал я.

Она принялась поглаживать цепочку на брелоке.

– Это точно око.

– Значит, ты рисуешь?

Эдриен посмотрела в сторону дома.

– Я хочу стать художницей, – ответила она.

Мы легли на стол и стали смотреть на листья и звезды. Разумеется, Эдриен видела все это и раньше, я имею в виду стол, она же часто бывала в этом доме.

– Тебе не надо возвращаться на вечеринку? – спросил я.

– Нет. – Казалось, что прошло минут пять. – А еще я хочу стать священником, – добавила она. Ее голос шелестел, как песок. – Я делала тест на акцентуацию личности, там говорилось, что у меня три основных черты. Вера, достоинство и рвение.

Я посмотрел на Эдриен, пытаюсь понять, шутит ли она. Но она действительно была полна достоинства. Даже когда лежала в нелепой позе и думала о своем.

– Мы сейчас лежим на некоем подобии кромлеха, – сказал я.

– Это что такое?

– Это древний стол друидов, ну, как бы жертвенный.

– Эдит сказала, что ты поэт.

– Я хочу им стать.

Эдриен села.

– Почему, расскажи.

Она была готова воспринимать меня серьезно, если я того хотел. Я старался придумать.

– Я хочу быть поэтом, чтобы писать хорошие стихи, – сказал я. – Очень хорошие.

Она кивнула.

– Потому что ты считаешь, что уже их пишешь, да?

– Ага.

Возникла долгая пауза. Мы лежали во тьме. Когда дул ветер, было слышно, как шелестят листья, хотя и не видно.

Эдриен повернулась ко мне.

– Когда ты думаешь о своей работе... тебе страшно?

– Нет. Но я понимаю, о чем ты. Когда-нибудь станет.

– Да. – Она резко поднялась и пошла прочь. Потом позвала: – Идем.

Мы заходили все глубже в лес, пока не оказались у дальнего забора, огораживавшего участок Чейза. В темноте постепенно стал виден соседский дом. Его внушительный контур прорисовался на посиневшем небе.

– Хочешь перелезть? – спросила Эдриен.

– Ты их знаешь?

– Нет.

Мне пришлось подтягиваться, чтобы перебраться через забор – такая спортивность оказалась неожиданным достижением, венцом всему остальному.

Она шагала впереди меня по соседскому газону. Было похоже на кусок немого фильма, когда ночные сцены снимают днем. Элегантная женщина на вечеринке в саду – пока она не оглянулась на меня и я не понял, насколько ситуация на самом деле волнующая. Я бросился к Эдриен.

– Хочешь поплавать?

Я задумался: если она сама хочет купаться, что это может означать? Но мне показалось, что Эдриен задумала что-то другое.

– Я хочу еще полазить через заборы, – ответил я.

Мы пошли в сторону, забрались еще в один двор, потом еще в один. И каждый из них был как аквариум в себе, со своей растительностью, выбранной владельцем, со своим пластмассовым дворцом, бельведером, игровой площадкой, и все это было залито собственной синевой. Я думал о людях, которых знал, о родителях знакомых. Было в этих дворах что-то жалкое, в том, что они кому-то принадлежат. Что они – частная собственность.

– Мы бегаем по чьим-то снам, – крикнул я Эдриен. – Ходим тут, пока они спят.

Мы бежали в буквальном смысле, внимательно исследуя препятствия, которые встречали нас в каждом из дворов, насторожившись, как олени, но в то же время на довольно высокой скорости, на какой обычные разговоры невозможны;

некоторые люди во время пробежек беседуют – но мы могли лишь выдавать короткие комментарии, и обрывки разговора развевались позади нас, словно ленты.

Вдруг вспыхнул свет, и мы инстинктивно нырнули в траву. Помню, что это был ряд больших эркеров, мы заметили женский силуэт, словно освещенный вспышкой молнии, ее рука как раз тянулась к цепочке выключателя. Помню кампис, деревянную решетку, на которой крепился скрученный садовый шланг. Мы переглянулись, немедленно подскочили и бросились дальше. Я бежал; я даже про себя не извинился перед хозяином дома.

Я помог Эдриен перебраться через литую бетонную стену, крепящуюся на столбах.

– Надо забраться в какой-нибудь из них, – заявила она. – Тебе не кажется?

– Наверно, надо. – Я вообразил себе незапертую заднюю дверь, узкий коридор, едва различимые фотографии на стенах в голубых рамах для картин. Пахнет затхлостью, как в музее. Потом мы откроем холодильник и украдем апельсиновый сок, боясь света, льющегося из его открытой дверцы.

Но мы все бежали дальше. Судя по тому, как пахло в воздухе, утро должно было наступить уже скоро. В следующем дворе мы остановились, словно что-то праздная. Эдриен широко раскрыла глаза, отвела назад плечи и попыталась отдышаться.

Я заговорил.

– Интересно, по этим дворам до «Филбрука» можно добраться?

– Что?

– Мне кажется, он в этом же квартале.

– Не знаю, Джим, я не понимаю, где мы, – призналась она в этом довольно беззаботно, схватила меня за рубашку и потащила дальше.

Пиджак, подумал я. Он испачкан травой. А родители купили его для колледжа...

– Ну же, – сказала Эдриен.

Мы опустились на корточки в какую-то компостную кучу и принялись на карачках пробираться под низкими ветвями вишни, а потом попали в какую-то древнюю перголу с ограждениями с обеих сторон, обеспечивающими уединение. Там была и купальня для птиц, которую я запомнил. Покачиваясь взад-вперед на корточках, она выбросила вперед руки и повалила меня в траву.

Оседлав меня, Эдриен оказалась ни развратницей, ни скромницей; она была просто очень прямолинейна. Она расстегнула мне ширинку так, будто развязала шнурок на собственном ботинке. Действовала она очень быстро. Эта девушка так меня заворожила, что поначалу я даже забыл отвечать на ее поцелуи. Эдриен же ласкала меня губами то здесь, то там с легкомысленной нарочитостью. У меня такой партнерши еще не бывало. Так что мои лобзания были рассчитаны в основном на то, чтобы выиграть время. Но ей все это наскучило, и она сдернула с меня штаны. К тому времени уже стало светло, не особо, но достаточно, чтобы я мог рассмотреть истинные цвета нашей наготы. Она оказалась блее, чем я. Эдриен держалась сверху, и я хотел запечатлеть этот образ в памяти – мягкая спина, приподнятый подбородок, покрасневшая шея.

Он проник в мое базовое видение «утра» и все там перевернул; и мы тоже перевернулись. Я оказался сверху.

– Тебе придется кончать на траву, – сказала она. Но я кончать не собирался. Я был слишком напряжен.

Издаваемые ею звуки, кажется, складывались в некое повествование, за нитью которого я не мог уследить. Я не понимал, притворяется ли она. Может, Эдриен просто нравилось стонать.

Наконец, мы остановились. Она посмотрела мне в глаза, с жадным осознанием того, что мы сделали. Где-то лаяли собаки.

– Кажется, они приближаются, – сказал я. Я как будто не совсем чувствовал свой голос и должен был его вернуть.

Эдриен не ответила. Она схватила меня до боли резко. Я испугался, а она засмеялась. Единственное, что я мог – это снова взобраться на нее, так, чтобы ей пришлось меня отпустить.

– У тебя руки испачкались, – сказал я. Ветер обдувал мое бедро.

Мы продолжали целую минуту, на этот раз беззвучно. Солнце поднималось, всползая по задней стене чьего-то дома, это я его поднимал. И чем больше я старался, тем ярче и теплее оно становилось. Я, естественно, всегда об этом думаю. Я пытался замерить это добавочное время второй попытки, его ценность. Хотел знать, завоевал ли я Эдриен или же мне просто повезло. Я пытаюсь это понять, слушая медленную музыку, и сравниваю с ней. Как будто бы музыка может остановиться, если я буду достаточно внимателен. Глядя на холодные статуи, я вспоминаю пот на груди Эдриен. Второй раз она была более тиха, но и более настойчива, и так много смотрела мне в глаза, что мы внезапно стали друзьями. Я рассмеялся. Казалось, что тут надо остановиться.

Рассмеялся я потому, что прямо над нами чирикали птички.

– Тебе лучше уйти, – прошептала она.

– А тут мы не можем спрятаться? – спросил я, взяв ее за руку.

Поднявшись, Эдриен принялась ждать, когда я заправлю рубашку. Она провела меня прямо под окнами этого дома, сначала вдоль задней стены, потом вдоль боковой.

– Думаешь, это нормально?

Мы вышли на открытый газон, на солнце, на тихую улочку. Нельзя было даже понять, какому дому принадлежит этот газон – настолько далеко стояли друг от друга особняки, а трава казалась бесконечной. В тишине влажного утра я услышал, как заработала система кондиционирования. Хотелось бы мне попасть вовнутрь одного из этих домов. Усестись в чьей-нибудь роскошной мебели и выпить апельсинового сока.

– Ты понимаешь, где мы? – спросил я.

– Иди, – с улыбкой сказала она.

– Ты проводишь меня до машины?

– Не-а, – Эдриен уже пошла прочь в противоположном направлении.

Я как-то напряженно помахал. Она поднялась на цыпочки и похлопала воздух, словно отталкивая меня, как лодку.

До первого перекрестка я не увидел ни одной машины, а на следующем было уже целых две или три. Они все поняли? С травы, мимо которой я шел, испарялась роса, если бы я протянул над ней руку, я бы ощутил горячие волны. Стоял кислый запах. Я нашел «Филбрук»; я уже собирался перемахнуть через стену и вторгнуться на его территорию, но мне надо было в туалет, а осквернять я ничего не хотел. Родители, по моим подсчетам, уже отправляются в церковь. Я приеду домой, но потом придется час-другой ждать их возвращения, прежде чем мы побеседуем. Поэтому я ехал медленно. Остановился в «КвикТрип», сходил в туалет. Кондиционер там работал слишком мощно, пахло средством для чистки кафеля. Я вдруг осознал, что не знаю, где оставил медвежью маску – я думал о доме, в котором побывал, как о запутанном романе, который слишком быстро прочел, но мог вернуться в начало когда-нибудь потом и заново проанализировать его в своем блокноте. Я высушил руки и вышел в торговую зону, налил себе капучино амаретто. Расплачиваясь, я вслух пересчитал деньги, как иногда делал мой отец.

3

Я не думал, что опыт повторится. Бегать по дворам, делая вид, будто я под кайфом, волочиться так за ней – ну, может, я и был под кайфом. Меня радовало, что со мной наконец что-то произошло, и пока я сидел в машине, случившееся давило на меня, как тяжелая музыка, вроде Вагнера. Она, естественно, была полна дурных предзнаменований. Когда родители вернулись из церкви, мама мне даже в глаза не посмотрела. Она положила сумочку и без каких-либо прелюдий сразу сказала мне, что «тебе надо бы быть поосторожнее» – и на этом бы все кончилось. Но я, как дурак, как последний дурак, сказал, что был у Чейза.

Мама могла подумать, что я валялся без сознания на полу «Бального зала Каина». Но это же Мейпл-ридж, сказал я. В этой части Талсы столько зелени, как в каком-нибудь парке. Я-то полагал, что богатый дом все объяснит – у богачей праздники проходят по-другому, дольше – они себя не стыдятся...

– Джим, ты этих людей не знаешь.

Мама почти никогда так резко со мной не разговаривала.

Я буквально весь день проспал, скрежеща зубами, и чтобы отмазаться от семейного ужина, пошел в кино. В кинотеатре я взял колу и кусочек пиццы в треугольной коробочке и просидел весь фильм, наблюдая за галлюцинациями своей больной головы. Когда я вышел на стоянку, было темно и влажно. Всю ночь я просидел по-турецки в кровати, открыв окна, несмотря на кондиционер, и читал. Я исписал заметками небольшой блокнот.

На следующий день я пошел в центр, в библиотеку, – приехав домой на каникулы, я ходил в библиотеку почти каждый день, стараясь следовать намеченному самим для себя курсу. Это сказывалось на мне очень благотворно. Книжки, которые я выбирал, приятно пахли. Новые издания классики с упругими ярко-белыми страницами, и, похоже, их брали не часто. В тот день я часа два очень тщательно делал записи, но потом мне вдруг пришла в голову идея позвонить Эдит. Можно же просто попросить у нее номер Эдриен. Почему бы нет? Я спустился к абонементному столу, там был телефон-автомат.

Эдит повела себя осмотрительно.

– Ну как, хорошо суббота прошла?

– В общем, да.

– Но не удивляйся, если она тебе не позвонит.

– Почему? Она тебе что-то сказала?

– Нет. Но Эдриен – трудный человек, – в ее голосе я уловил беспокойство. – Джим, я надеюсь, что ты из-за меня не подумал чего не того. Понимаешь, она

просто не встречается ни с кем.

Чего Эдит, наверное, не понимала, так это степень моей заинтересованности: я просто должен был получить то, чего хотел. Желание было для меня разновидностью мужества, особенно если то, чего ты хочешь, требует отваги. Так был устроен мой мир. Так я попал в колледж. Нет более исчерпывающего подтверждения правильности выбранного подростком пути, чем положительная реакция на его достижения, отправленные письмом в учебное заведение Западного побережья.

– Думаю, ты обязана дать мне ее номер, – сказал я Эдит.

Она дала. Но весь оставшийся разговор старательно убеждала меня пойти в среду на «Ночь ретро».

– На прошлой неделе ты хорошо оторвался.

Из того же автомата я позвонил и Эдриен. И оставил следующее сообщение на автоответчике: «Привет, Эдриен, это Джим. Я, кажется, тебя с днем рождения так и не поздравил, так что хотел исправиться. Я забыл попросить у тебя телефон, мне дала его Эдит. Давай как-нибудь куда-нибудь сходим».

На следующее утро я предпринял еще одну попытку. Это сообщение я надиктовал другим голосом. Я десять минут сидел неподвижно, готовясь, потом, наконец, поднес трубку радиотелефона к губам, словно чашу для причастия, набрал номер, нажимая кнопки большим пальцем. «Привет, Эдриен, это Джим Прэйли». Пауза. «Я хотел бы еще побродить с тобой под покровом ночи». Тон у меня был мрачный, голос дрожал, но я пытался изображать иронию. «Если у тебя есть свободное время, пойдем гулять. Эдит сказала, что ты по телефону не особо любишь разговаривать, да и я по телефону тоже не хочу. Но тем не менее. Вот что я собирался тебе сказать: напиши мне письмо». И продиктовал родительский адрес с почтовым индексом. Пауза. «Ну, то есть давай поговорим с глазу на глаз».

Я родился в преподавательской семье, эти учителя и учительницы не выходили за рамки собственного образования и жили припеваючи, они жаждали править своими классами и контролировать собственные жизни. А я же пытался навязаться Эдриен Букер из семьи Букеров. Пуделем я никогда быть не хотел.

Но я пошел в канцелярский магазин и купил конвертов из желтой бумаги, собрал папку с надписью «ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ», в основном там были ксерокопии из библиотечных книг о Стоунхендже и фотографии садов восемнадцатого века в стиле романтизма с искусственными руинами и разрушенными стенами – плюс одна-другая карта Талсы. Я сидел в кабинке для чтения и разрезал ксерокопии так, чтобы казалось, будто все эти сады находятся в Талсе. И в попытках придать всему этому эротизма я занялся поисками изображений жертвоприношений людей и животных. Я, естественно, думал о том каменном столе, или кромлехе. Но в итоге решил, что иллюстрации с человеческими жертвами ни к чему. Я уселся на ободок горшка с папоротником, довольный результатами своего труда. Это был самый лучший день, проведенный мной в библиотеке – как вознаграждение за последние две недели, когда я сидел и занимался, – зато я научился очень хорошо ориентироваться в здешних залежах. В моей папке не хватало лишь одного, чего-нибудь такого прикольного. Признаком хорошего вкуса было бы добавить какой-нибудь алогичный элемент. Я схватил книжку про корветы и раскошелился на цветные копии.

Это, думал я, собирая папку, я умею хорошо.

Дорожка перед домом Чейза в шесть часов летнего вечера излучала жар, а дверной молоток чуть не плавился. Все оказалось вообще не таким, как в моей памяти. Ожидая, я вообразил, что Чейз выйдет из самой глубины дома, и из-за двери покажется его сонное, но любопытное лицо. Но дверь открыла дама – мама Чейза. Она оказалась намного моложе моей. Волосы у нее были очень сильно натянуты и завязаны на затылке. Она чуть не насмешливо хлопала глазами, изучая мой пакет. Но, может, она была тронута.

– Знаешь ли, Эдриен тут не живет.

– Но вы могли бы проследить, чтобы он до нее дошел?

Я ждал три дня. В пятницу она мне позвонила.

– Какие планы на сегодня?

Эдриен хотела, чтобы через два часа я подъехал за ней к небоскребу Букера.

Мне пришлось уточнить у мамы, где это именно.

Но спрашивать было не обязательно – небоскреб Букеров, как я и надеялся, был тем крутым, с терракотовым фасадом, стекляшками и резьбой, взбегающей вверх, подобно усикам молнии. Швейцар посмотрел на меня с недоверием. Я пришел в своей любимой поношенной футболке. Я сел на скамейку и расправил спину. Лифт не издавал ни звука, но я все равно ждал появления Эдриен: мне хотелось продемонстрировать швейцару, как мало он разбирается в этом мире, что существуют люди, которые одеваются как я, но все равно живут в этом доме – двери лифта открылись, и из него вышла она, в небесно-голубом платье. Она протянула мне свою обнаженную руку, смутив меня, и помогла подняться. Швейцар посмотрел на меня, словно спрашивая: «Ты хоть понимаешь?»

Атмосфера вечера чем-то напоминала выпускной – я в центре города с нарядной девушкой.

– Мы идем в «Звезды», – объявила Эдриен. – Надо ехать на машине. Знаешь, где это?

Она объяснила мне, что это гей-бар.

– Не волнуйся, тебя там хорошо примут.

Дорога, продуваемая всеми ветрами, грохотала под колесами, не способствуя беседе, а городские огни притихли, улицы были как будто посыпаны ими, зрелище впечатляло. Я почти ничего не мог сказать. В следующий раз, подумал я про себя, надо брать с собой выпивку. Эдриен подцепила кончиком пальца замок бардачка и повернула, словно ключом. Ни разу за все лето у меня не возникло ощущения, что Эдриен волнует вопрос денег, то, что у меня их нет. Но меня это беспокоило. Моя машина казалась слишком неубедительной для такой девушки.

– Талса похожа на город-призрак, – сказал я.

– А Элгин ты видел?

– Улицу?

– Нет, это настоящий город-призрак. В Канзасе. Тебе следует туда съездить. Там есть брошенный киоск с газировкой, дома без дверей, в которые прямо можно заходить, – Эдриен была знакома со сторожем, местным пенсионером, который летом занимался тем, что косил газоны в Элгине.

– А ты знаешь, что такое Элгин изначально? Мраморы Элгина. Их сняли со стен в Акрополе. Это, наверное, и есть самый настоящий город-призрак. Думаю, что Элгин в Канзасе точно назван в его честь. Но это ладно. Центр у нас просто мертвый.

Опыт прошлого научил меня жаловаться на Талсу: все мы это делаем. Но у Эдриен мои слова о том, что центр мертв, не вызвали энтузиазма.

– Я тут живу, знаешь ли, – может, она просто ради забавы сделала вид, что обиделась. Но следующие пять минут я мог лишь бросать взгляды на ее отражение в лобовом стекле: может, Эдриен думала о том, что совершила большую ошибку, не знаю.

Я еще ни разу не ходил в гей-бар. В Бостоне или Нью-Йорке я бы пошел, это было бы моей обязанностью как человека, свободного от предрассудков. Но в местном мне делать было нечего. Я считал, что гей-бары в Талсе – это просто фикция, какие-нибудь чересчур пидорские заведение, которые лишь позиционируют себя как гей-бары. С розовыми стенами, ирландским кружевом и слишком манерными посетителями. В общем, пощечина, а не «свидание».

Мы ехали в сторону аэропорта, Эдриен указала на торговый центр, стоявший через дорогу от погрузочной площадки «РедЭкса». На оштукатуренной стене светились три неоновые звездочки, имитирующие шерифские значки. Мы вошли: пахло искусственным дымом. Эдриен уселась за столик и попросила два фирменных. Мы оказались прямо посреди танцующих, народ на выложенной плиткой платформе уже выстраивался для линейного танца. Интерьер казался довольно беспорядочным – в баре висела рождественская гирлянда с крупными лампочками, в каждом углу танцпола стояли искусственные пальмы, диджейский уголок был забит плюшевыми игрушками. Настроение на танцполе было праздничное: мужчины повизгивали и размахивали руками, словно собираясь бросить лассо.

– Потрясающая дешевка, – высказался я.

– Нет, тут здорово.

Эдриен встала и задергала ногами; без ремня ей не за что было зацепиться пальцами, так что она прижимала накрахмаленную юбку платья спереди, а она оттопыривалась сзади. Эдриен принялась хлопать в ладоши. Я был поражен, насколько легко эта девушка приспосабливается к любой обстановке. Я ни за что не смог бы с ней тягаться. И сразу же за ней весь ряд закрутил плечами, все повернулись вокруг своей оси и захлопали. Некоторые из ковбоев казались чересчур осмотрительными и подавленными, они слишком зацикливались на своих движениях. А кто-то как на парад вышел. Девушка с меньшим чувством собственного достоинства в такой звездный момент непременно начала бы улыбаться всем мужчинам, но Эдриен была явной аристократкой – она просто-напросто знала, как подобает себя вести. Проглотив свой коктейль (синего цвета), я, наконец, тоже вышел на танцпол, она посторонилась, освободив мне место, – и тут такое началось! Эдриен энергично двигала ногами. Я попытался изобразить лунную походку, отбивал чечетку, кружился. Я подумал о Чейзе: она ему изменяет? Мы тут, потому что Эдриен от него скрывается? Мы встретились тайно? Или нарочито очевидно? Или, может, она скрывалась от меня? В баре не было больше ни одной разнополой пары.

Такой самоконтроль был мне незнаком: локти слишком широко не растопыривать, хлопать в такт, смотреть, куда наступаю. Кружиться лишь в ограниченном пространстве. Я учился у мужчин, наблюдая за ними. Для них эта тренировка в контроле над своим телом что-то означала. Они казались измученными заботами, кроткими, как будто за неделю произошло много неприятного. Так что и сейчас нетрудно было держать себя в руках.

Эдриен среди них казалась опасной. Она была женщиной. С невозмутимым лицом. Пушок на ее руках поблескивал в свете переливающихся разными цветами прожекторов. Когда линия танца распалась, она подкупила всех завсегдатаев, начав щелкать пальцами, подмигивать им (или смеяться) и выделять всякие широкие движения, а я пытался соответствовать, я старался держать одну руку за спиной, как матадор, и делать строгое лицо. А потом срывался, как безумный. Один как будто погрозил мне пальцем и прокричал: «Высуни язык!» – но я уверен, что ослышался.

Потом мы пошли на заправку за кофе. Я как сейчас вижу Эдриен на каблуках, она выносит кофе на освещенную площадку – куб света под навесом «Тексако». Я поставил машину задом к шумозащитному экрану, стук каблуков Эдриен звучал, как в пустом зале. Сидя в машине, я улыбнулся ей через стекло, она ответила. В каждой руке она держала по стаканчику кофе.

Мы сидели в машине лицом к заправке. На шоссе за спиной скулили тягачи, и каждый раз казалось, что сейчас они врежутся прямо в нас – они приближались с пронзительным визгом, а потом, бурча, уезжали в ночь. И так все время, что мы там сидели.

– Он ждет, когда мы начнем целоваться, – сказала Эдриен. На нас из своей будки смотрел работник заправки. Гадал, наверное, вдруг мы Бонни и Клайд и сейчас его убьем.

Я откашлялся.

– А мы разве не собираемся?

Эдриен перевела взгляд на меня. Потом, наконец, ответила.

– За это ты зарабатываешь очко, – и стремительно наклонилась за сумочкой. – Можно тут курить?

Она вдавила прикуриватель в машине, и вот он выпрыгнул.

– Погоди, можно посмотреть? – Мне пришлось дожидаться, когда Эдриен закурит, потом она передала его мне. Спираль прикуривателя стала оранжевой. – Я раньше не видел, как она работает.

– Сигаретку дать?

– Не надо.

Эдриен все равно прикурила для меня.

Я попытался отмахнуться.

– Она уже зажжена. Придется тебе курить.

Я уже высунул руку с сигаретой из окна, но осекся, сдержался. Ведь на заправках просят окурки не бросать.

– Я думал, они тяжелее, – сказал я. Потом принялся крутить сигарету в воздухе, рисуя бабочек.

– Гм. Джим, ты слишком правильный.

Она затянулась поглубже, очевидно задумавшись. Повиснув на аварийном тормозе, я ее поцеловал.

Эдриен убрала сигарету, но целовалась со мной недолго, и мне пришлось вернуться на свое сиденье.

– Джим, ты мог бы найти себе девушку получше, чем я.

Я уставился на нее.

– Ты меня даже не знаешь.

– Я себя знаю. Я старая, – сказала она со смешком и снова поднесла сигарету ко рту.

– Мы одного возраста.

– Да, но... – она сделала жест, как бы поднимая себя.

Я сидел, навалившись на руль и как бы зажав его под мышками, и изучал ее.

– Знаешь, отчасти мне в тебе как раз и нравится то, что ты, возможно, и на самом деле такая самонадеянная.

– О, да! – Эдриен вздрогнула. – Хорошо бы.

– Ты действительно такая.

– Джим... ты знаешь, что я не учусь?

– В смысле?

– Не учусь. Некоторые не ходят в колледж. Ты в шоке? В шоке.

– Нет... вовсе нет. Ты не поступила?

– Ух ты. За это тебе тоже очко.

– У тебя такие произведения, все это... ты такая... ты могла бы написать потрясающее вступительное сочинение...

Эдриен даже школу не закончила.

– Когда мне исполнилось шестнадцать, я пошла к заведующей и сказала: «Я хочу закончить сейчас же». Она посмотрела на меня и спросила: «Это просьба тебя разубедить?» А я: «Нет, но я хочу сделать все по правилам». А она: «Просто больше не ходи». И я перестала. Остановить меня попытался только Чейз, с коим ты, кажется, знаком.

– Ага... да. Заметь, ты сказала «с коим». Не знаю, по некой странной причине я считаю, что в колледже это произвело бы впечатление – будто у тебя изначально был этот план. Такой нестандартный. Ты беспощадна. И ты ведь не просто даром теряла время.

Эдриен этот разговор не нравился.

– Ты же что-то делаешь, – добавил я.

– Я ничего такого не замечала.

– Да, но я-то вижу, что ты реальная.

– Джим, – сказала она через минуту. – Расскажи мне что-нибудь.

– Например?

– О том, что для тебя свято.

Мне никогда не приходило в голову, что для меня что-то было «свято». Вопрос требовал такого же ответа, как и сочинение для поступления в колледж – мне, когда я его писал, пришлось почти все выдумать. Там просили рассказать какую-нибудь историю, которая изменила нашу жизнь. Какое-то важное событие. Я написал, что однажды забрался на высокую скалу, и на меня снизошло озарение. Стоя там, я уловил некие вибрации насчет своей судьбы. Если вкратце, я понял, что хочу себе памятник после смерти, хочу быть великим.

– Во втором классе, – начал я, – нам задали написать сочинение про какое-то воображаемое место. Учительница, которая еще считала нужным пороть учеников, афроамериканка, внушавшая всем благоговейный страх, усадила нас кругом. Я первый подал ей свое сочинение, чтобы она зачитала его перед классом. Вообще я у нее был любимчиком. Но взяв мою работу, она так на меня посмотрела. У нее просто челюсть отвисла. Рассказ был про место, где все задом наперед. Ну и, естественно, я назвал его перевертышем собственного родного города. Аслат[5 - Перевернутое название города Талса на английском пишется как «Aslut» и напоминает английское слово, переводящееся как «шлюха»]. Талса задом наперед.

Я выдержал паузу.

– Но самое главное тут, что я понял, в чем проблема, лишь несколько лет спустя.

– Ой, – Эдриен ликовала вместе со мной, хотя недолго.

– Ага.

Она тоже собралась поведать мне свою историю. Сначала Эдриен секунд пять готовилась: очевидно, она уже рассказывала это и раньше, но, может, не очень часто. Эдриен приглушила голос, часто делала паузы... как будто речь действительно шла о чем-то священном. Она считала, что в детстве была более

достойным человеком, чем теперь.

– Был такой пятиклассник Дерек Уокин. Он таскал в школу «Зиппо», тогда это считалось серьезным достижением. Они поджигали мусор за баками. А мне разрешали смотреть. Я тогда была маленькая. Во втором классе. Я каждый день в обед ходила туда и наблюдала. Я думала, что меня прогонят. На них самих я вообще не смотрела – на их лица. Только на огонь. Но. Я хотела эту зажигалку. Я порылась в шкафчике Дерек. Но он всегда носил зажигалку в кармане. – Эдриен смотрела строго перед собой, словно до сих пор видела эту маленькую «Зиппо» на детской площадке. – Я подошла к нему и попросила ее. На время. Это было безумие, – в ее голосе зазвучало возбуждение. – Я не знаю, понимаешь ли ты, чего стоит девчонке-второкласснице убедить пятиклассника отдать ей его зажигалку? Я застала Дерек одного после школы и сначала попросила показать мне, как она работает. Мне всегда казалось, что он совершает какое-то странное движение запястьем, встряхивает им или типа того – ну, ты видел «Зиппо». Надо вот так делать... – Эдриен показала. – Я подумала, что должна сделать это с первого раза, иначе уже никогда не смогу ее заполучить. Но у меня были такие крошечные ручки.

– И как?

– Она зажглась только с восьмого раза.

– А он что сказал?

Эдриен сощурилась.

– Разрешил мне взять ее попользоваться.

– Ого. Почему вдруг?

– Не знаю. Но дал. Его вообще-то не особо любили.

Я легко мог себе представить такого пацана. У нас за спиной, грохоча, проехал полуприцеп. Эдриен казалась такой проницательной, такой практичной. На заправке было тихо, даже музыка не играла. Эдриен продолжила свой рассказ.

– Дерек отдал мне зажигалку, потому что я рассказала, зачем она мне нужна. Точнее, он чуть не отказал мне, потому что испугался. А я потребовала доказать, что он не струсил. Я взяла зажигалку и в ближайшие же выходные подожгла теткин гараж. Он сгорел дотла.

– Ой.

Эдриен заморгала.

– Какое-то время огонь даже казался добрым. Он полз по нижней части стены. А я осталась с ним внутри, чтобы поддерживать его, подбрасывала тряпки и всякую фигню. Это тянулось очень долго. Но потом он внезапно разросся, – у Эдриен от воспоминаний глаза раскрылись широко-широко. – Но я не ожидала, насколько громко это будет. Я заняла наблюдательный пост у своего любимого дерева. Какое-то время я огонь только слышала и едва видела. Видела скорее только дым, и все. А потом пламя выбило окно. Как кулаком, – Эдриен покачивала кулаком, но медленно. – Я еще взяла радиотелефон, вызвать 911 в случае, если огонь слишком уж расползется. Да я и хотела позвонить. Хотела все это остановить. Но надо было придерживаться плана. Увидеть, как гараж сгорит дотла. Это было мое; мне тогда было всего семь, но я понимала, я уже тогда знала, что ничего столь грандиозного уже никогда в жизни не испытаю, – она оценивающе посмотрела на меня. – Ко мне пришло ощущение ответственности. Что я должна это запомнить.

Не предполагалось, что я буду что-то отвечать, и я молчал. Эдриен подняла руку, на какое-то время она повисла в воздухе, а потом упала на колени.

– То, к чему я тебя принудил... – начал я.

Она вскинула брови.

– Мне понравилось.

У меня было такое ощущение, что я задремал и проснулся: я мог сидеть так, в машине, целую вечность.

– Слушай. Запиши эту историю, будет хорошее сочинение для колледжа.

Эдриен хотела, чтобы я рассказал ей о колледже. И она вела себя так, будто я больше об этом знал, чем ребята, не уехавшие из штата, или даже больше мог считаться студентом, чем они. Она оказалась очень находчивой и в каком-то смысле играла со мной. Но на другом уровне Эдриен была довольно искренней. К тому же никто не пытался более досконально понять, чему я там учился.

Эдриен спросила, как учеба связана с моей работой, – я рассказал ей, что писал длинную поэму под названием «Окраины», в ней Талса перемещалась в другие точки земного шара: Талса – нефтяной эмират, Талса – остров в южной части Тихого океана, Талса – пригород Нью-Йорка.

– Но я не на все занятия хожу, так, когда потянет; наверное, это можно сравнить с выбором книги, я рассматриваю колледж скорее как дополнительную информацию.

Эдриен меня понимала, но любопытство все равно было сильнее. Она хотела поподробнее разузнать о курсе по истории искусств.

– Ты должен меня учить, – заявила она.

Это я мог. Я сразу же изложил ей скучные подробности из области логистики: учебники я оставил в колледже, в хранилище, но охотно сообщил, что могу взять для нее необходимую литературу и в библиотеке, и тогда займемся.

– Давай завтра, – согласилась Эдриен. И пристегнула ремень безопасности.

– Я думал, ты хочешь от меня избавиться.

– Не думал. Ты внимательнее, чем тебе кажется, Джим.

Теперь ежедневно в восемь утра я ставил тачку в гараже небоскреба Букеров. Я делал вид, будто устроился туда на работу – в «Букер петролеум». Молодые люди не сильно старше меня в рубашках и галстуках ждали лифта, а я садился на желтую скамейку в фойе с книгами по искусству на коленках – они были слишком большие, скрыть их не удалось бы, так что я решил нахально демонстрировать их в открытую. В этот раз я притащил сборник обнаженной

натуры работы старых мастеров. Я упер локти в колени и принялся разглядывать картины, попивая кофе со льдом, пока не спустилась Эдриен.

Она звонила мне в шесть, шесть тридцать, чтобы меня разбудить.

– Рутинa – вот искусство, – сообщила она.

Это продолжалось примерно две недели.

В редкие дни она звонила в шесть и говорила, что приходить не нужно.

– Я что-то увидела, пойду и начну.

– Хорошо. – Придумав какое-нибудь объяснение для родителей, я лег спать дальше.

Но, как правило, Эдриен появлялась в какой-нибудь яркой юбке, на каблуках – для нее наши прогулки стали неотъемлемой частью утра. Мы шли по центральным улицам, через рельсы, до старого кирпичного лофта, где она работала. Расстояние было чуть меньше километра – все в рамках внутреннего кольца. Приятно было превратиться в пешехода. У Эдриен в гараже небоскреба стоял небольшой японский мотоцикл, но пользовалась она им редко.

– Машины у меня нет, – сказала Эдриен. – И не хочу.

В первый день, когда мы пришли в студию, я потопал вверх, держа в руке кофе со льдом, я был готов к эмоциональным переживаниям и обсуждению. Но я к тому времени еще не осознал, в чем будет заключаться моя роль. Когда мы поднялись по лестнице, Эдриен приложила палец к губам и ввела меня в темную комнату. Когда мы добрались до дальней стены, она со скрипом подняла рольставни, – а когда в окна хлынул молочно-белый свет, она уже раскрывала краски, не глядя на меня. Я смутился и сел.

Вместо того чтобы показать мне свои картины, Эдриен просто взялась за работу. И не знаю, чего я ожидал, но меня вообще поражал тот факт, что она могла думать, пока я сидел и наблюдал. Она подняла кисть и нанесла мазок. Меня это просто парализовало. Со своего диванчика я видел некоторые из ее полотен –

они, по крайней мере, выглядели реальными. На огромных холстах были изображены крупные абстрактные фигуры.

И только когда Эдриен требовалась пауза, она сама поворачивалась ко мне, да и то не для того, чтобы поболтать, или, боже упаси, коснуться меня или поцеловать, – нет, мы просматривали учебники по искусству. Я каждый вечер готовился, а потом пересказывал ей содержание курса истории искусств, насколько я его запомнил, художника за художником. Поначалу я был несколько неуверен в себе, меня злило, что мои ухаживания поставили на паузу, и я не предполагал, что ей понравятся такие художники, как Грез[6 - Жан-Батист Грез (1725–1805) – французский живописец-жанрист.] или Шарден[7 - Жан Батист Симеон Шарден (1699–1779) – французский живописец, прославившийся своими работами в области натюрморта и жанровой живописи.]. У обоих были скучные работы: жидкие цвета, умирающие люди, кто-то в парике наклоняется, чтобы поднять с пола ложку, или мать сидит с детьми за деревянным кухонным столом. Шарден еще мог заинтересовать Эдриен, потому что она сама была похожа на его молодую жену, которую он изобразил с белой шеей, в платке и с розовыми пальцами. Признаюсь, что каждый вечер, сидя дома в прохладе кондиционера, когда родители уже уходили спать, я клал на колени эти тяжелые альбомы по искусству и думал об Эдриен – об ее теле, – куда больше, чем там, в студии. Я воображал, что мы вместе учимся в колледже: после лекции по искусству мы идем в мою комнату.

Эдриен оказалась даже лучшей ученицей, чем я предполагал. В детстве она была хорошо знакома с окружением своей тетушки – она не просто подожгла ее гараж в семь лет, но и часто сидела за столом со взрослыми во время званых ужинов и праздников, что принесло ей куда больше пользы, чем Эдриен сама осознавала. Еще у нее была своя рабочая этика. Она смогла развить в себе чрезвычайное терпение.

– Раньше я пела в нескольких рок-группах, – рассказала она, – но я хотела столько репетировать, что никто не соглашался со мной работать.

Рассматривая альбомы по искусству, Эдриен останавливалась на целых пять минут над каждой картиной и в полном молчании буквально водила по ней носом. Я так долго на одно и то же смотреть не мог.

– Ты насчет Шардена не прав, – однажды сказала она. – Он очень выдержанный. Идеальные цвета.

– Да этот стул такого же цвета, как кусок мяса.

Может быть, Эдриен просто притворялась, стремясь доказать, что после колледжа ты не обязательно будешь разбираться в изобразительном искусстве. Она понимала, что может пострадать из-за отсутствия образования – если она ничего не добьется в жизни, люди будут ссылаться на это. Ее тетя уж точно. Может быть, и я со своей альма-матер стоял на той же ступени, что и она, и Эдриен хотела меня обуздать. Но когда она рассматривала картины, взгляд у нее был честный. И казалось, что ее личный интерес ко мне тоже неподделен. Иначе я бы перестал этим заниматься. Хотя на той неделе Эдриен ни разу напрямую не спросила моего мнения о ее картинах. Когда я делал комплименты, она не прислушивалась. И мы друг друга не трогали, не целовались.

– Что у Чейза есть такого, чего нет у меня? – спросил я однажды.

– Джим, ты счастлив.

– Что?

– Это странно. Ты единственный счастливый человек из всех, кто мне нравился.

Когда мы приходили в студию, я сразу же на некоторое время засыпал: я не привык вставать так рано. Я опускался постепенно, напрягая мышцы пресса; и всегда старался положить голову так, чтобы Эдриен могло захотеться подойти ко мне и посмотреть, изучить мою голову, шею, ухо или руку. Я уважал ее строгость и понимал, что студия для нее место священное, но думал, что она нарушит собственные правила, когда развитие событий достигнет кульминационной точки. Но этого не произошло.

Она сидела перед мольбертом, а я – со своим блокнотом. Когда очередная строка не шла в голову, я мог обернуться и посмотреть на нее, как она рисует. Обычно Эдриен работала в спецовке. Она могла минут пять неподвижно стоять перед мольбертом, а я наблюдал. При желании Эдриен иногда внезапно что-то говорила, но в целом разговор должен был быть взвешенным, и прервать его она могла в любой момент. Она снова поднимала кисть, и я замолкал.

Родители не знали, почему я так рано вставал. Завтрак я съедал быстро и молча, обдумывая, что буду рассказывать о намеченном художнике. В целом мне это доставляло удовольствие. Я столько лет изучал центр города, вся моя перспектива ушла в него. А Эдриен вывернула для меня город наизнанку: для утренних прогулок она выбирала самые застроенные улицы – на какое-то время мы как бы погружались в городской каньон; стоило нам пойти в другую сторону, и горизонт бы расчистился, небоскребы сменились бы вялыми стоянками и торговыми центрами в стиле даунтемпо. Но на тех улицах я мог воображать, что родился в городе покрупнее. Мне нравилось рассуждать об этом, как и о другой жизни, судьбе. Меня прельщала точка зрения, что родиться в городе типа Талсы – это крайне необычно.

Я старался открываться; рассказывал Эдриен о том, что мне нравится. О том, что по утрам асфальт на Первой превращается в серую замазку. Что при благоприятном настрое можно вообразить, будто бетонные дороги тянутся до конца вселенной. Но, естественно, небоскребы растут гребнями, Талса выгибается, перекрестные улицы потихоньку вздымаются, им же надо как-то перебираться через рельсы.

Эдриен познакомила меня и с восьмичасовым утренним часом пик, на некоторое время оживлявшим центр Талсы. Она носила каблуки в основном из уважения к своей семье – чтобы иметь приличный вид в лифте небоскреба, принадлежащего «Букер петролеум», но и к этому краткому ежедневному цветению жизни в центре города. Там встречались люди в костюмах, они ставили машины и выходили из них, образуя толпу на пешеходных переходах, как в фильмах о большом городе. Это затягивалось на все десять минут и начиналось в восемь, а потом еще раз – в пять. Но именно это зрелище создавало у меня более достоверное ощущение, будто я нахожусь в городе, чем двадцать лет походов в церковь в центре.

Эдриен такие вещи, естественно, не беспокоили. Когда мы проходили мимо епископальной церкви, сказала лишь, что она «приятная». О Центре исполнительского искусства – «противно смотреть». Похоже, ее не терзала эта врожденная война культур, это нетерпение на уровне коленного рефлекса, которое испытывают почти все подростки по отношению к консервативным городам. Эдриен совершенно не претило ходить в «Волмарт», ей просто нравилось, что там можно купить то, что нужно, и понюхать с друзьями. «Вот, – как-то сказал я в отделе со спортивными товарами про частично сползший флаг, – его же надо сжигать, если он коснется какой-либо

поверхности. Это жест патриотизма». Но ей было все равно.

А еще она никогда не ругалась матом.

– Черт, какой центр уродливый, – как-то воскликнул я и сразу же обратил внимание, как грубо это прозвучало. Порой меня это даже удручало. Иногда я хотел ради Эдриен отказаться от своей старой жизни.

Один человек всегда ставил джип между Второй и Третьей, я два дня подряд видел его через лобовое стекло и узнал.

– Кажется, это мой бывший учитель из воскресной школы, – сообщил я Эдриен.

Я часто упоминал и воскресную школу, и церковь. Сама Эдриен пела в хоре в Первой пресвитерианской церкви, мне казалось это милым.

– Но тебе не обязательно было туда ходить, – сказал я. – Когда мы достигли подросткового возраста, нам раз в неделю приходилось писать обещание, что мы ни за что в жизни не вступим в половые отношения до брака. Они говорили, что о добрачном сексе мы будем обречены жалеть всю оставшуюся жизнь.

– Может, это и правда.

– Они говорили так: «Вступая в брак, вы подойдете со своей невестой к алтарю и, словно в кошмарном сне, увидите всех женщин, с которыми переспали до этого, они возьмутся за руки с вашей невестой, встанут в ряд и будут смотреть на вас, оскалив зубы». Это было отвратительно.

– Не делай вид, будто возмущен, – сказала Эдриен. – Неубедительно звучит.

– Но как ты считаешь, что он о нас думает? Ведь наверняка же он не смотрит на нас, приговаривая: «Вон молодые коллеги отправляются в офис».

– Тебе не все равно? Мне казалось, что тебе была противна воскресная школа.

– Нет, – подчеркнул я. – Я о нем – мне нужно его уважение.

Однажды утром я подошел к тому мужчине на джипе.

– Мистер Бэнгз?

Он оказался более грузным, чем я его помнил, с алыми пятнами на лице. Я представился.

– Джим Прэйли. Вы были моим учителем в воскресной школе. Нас было немного, мы занимались в маленьком кабинете.

Его охватило стремление снова начать играть свою менторскую роль. Я сказал, что осенью начну второй курс колледжа и что сейчас мы идем в студию к моей подруге Эдриен рисовать.

– Это Эдриен Букер, моя подруга, – представил ее я.

– Ага, кажется, мисс Букер, я работаю на вашу тетю.

Эдриен улыбнулась и очень снисходительно кивнула.

Он слегка наклонился и пожал нам на прощание руки, и галстук у него повис отвесно.

Мы вернулись на тротуар и пошли друг за другом. Эдриен молчала, а я был полон смутных предчувствий. Потом вдруг вырвался вперед и запрыгнул на пожарный гидрант. На вывеске Центра исполнительского искусства, стоявшего на пересечении Первой и Главной, фейерверком вспыхивали лампочки, складываясь в надписи, нам показали температуру по Фаренгейту, потом сообщили, что здесь идет «Богема»[8 - «Богема» – опера Джакомо Пуччини, впервые была поставлена в 1896 г.], та-да-да-да, если кому вообще есть до нее дело.

– Это было невежливо? Что я тебя так представил?

– Почему?

– Не знаю. Я рассказал ему о наших художественных амбициях. И назвал твою фамилию.

– Ты думаешь, это важно?

Всю остальную дорогу я тащился, чуть отстав, сначала по Первой, потом через рельсы, а потом мимо складов района Брэйди.

Через некоторое время в тот же день я вдруг заметил, что она не работает. Я проснулся и какое-то время, как обычно, просто лежал в углублении, созданном моим телом. Как правило, это была самая интимная часть моего дня – когда наше обоюдное молчание становилось для меня таким же конструктивным, как и для нее. Но сегодня думать не получалось, как только я осознал, что проснулся, моя голова наполнилась мрачной тишиной, как шарик газом. Какое-то время я потерпел, а потом встал и прополоскал рот. Эдриен стояла перед мольбертом, заведя руки за спину, и пристально смотрела на меня. Я сообщил ей, что выйду и куплю чего-нибудь на обед. Вернувшись, я обрадовался, увидев, как она склонилась над высоким столом – которым она пользовалась редко – и, видимо, рисовала. Я поставил купленную для Эдриен еду возле ее локтя, а потом пошел и взял свой блокнот. Мы пообедали в питательном молчании.

Я принялся писать дальше. Скрип моей ручки оказался единственным звуком в комнате, но мне было все равно, мешаю ли я ей. Услышав шаги за спиной, я не обернулся.

Я заметил, что она поднимает ногу, как будто садясь на коня. Эдриен схватила меня за ремень и расстегнула рубашку.

– Ложись, – прошептала она, – я буду рисовать на тебе.

Она принесла с собой большой черный маркер. Поначалу влажные чернила давали ощущение свежести. Но я видом своей груди гордиться не мог: а Эдриен так долго на мне сидела, рассматривала, иногда по несколько минут, прежде чем нанести новый штрих. Основной моей эмоцией была покорность.

– Как это напрягает, – сказала она, навалившись на меня.

Она прикрывала глаз, растягивала кожу двумя пальцами и рисовала. Всего несколько сантиметров за раз, только однажды (я уже очень измучился) сразу вышло бесконечное черное крыло, оно как бы холодным потоком воды лилось через мой сосок. Так и продолжалось: Эдриен отодвигалась, а я покорно лежал: я со своей волосатой грудью стал произведением искусства.

Закончив, она подвела меня к зеркалу: на груди у меня появилась витиеватая арабеска, большая, она бросалась в глаза, будь это граффити, вы бы непременно остановились, чтобы рассмотреть подробнее. Эдриен действительно была талантлива.

– Наверное, человек тебе должен серьезно нравиться, чтобы сделать с ним такое, – сказала она.

Эдриен имела в виду напряжение, которое испытываешь при рисовании, что ей удалось реализовать задуманное, сидя на мне. И это подтверждало, что я ей нравлюсь?

Позднее она сорвалась. Мы рассматривали очередную библиотечную книгу: «Страсть Делакруа».

– Это вообще ни к чему никакого отношения не имеет, – сказала Эдриен, и глаза ее увлажнились.

– Это всего лишь Делакруа.

– Нет, то, что ты сказал...

– Банально?

– Банально.

– Но то, чем мы занимаемся – это не банально, – ответил я.

– Почему ты так думаешь?

– Ты чувствуешь сейчас, что банальна?

– Нет.

– Ну вот.

Она заморгала.

– Но я не работаю. Я слишком много сижу за книгами.

– Завтра не буду ничего брать.

– Джим, я должна теперь снова рисовать одна.

– Ладно.

– Я боюсь, что что-то от меня ускользало, – добавила Эдриен.

И я опять начал спать дома. В те выходные я отправился в «Блюмонт» и напился в одиночестве. Потом пошел гулять и в итоге оказался под звякающим флагштоком в «Центре вселенной», этой июньской ночью там кучковались белые пацаны всех сортов и курили травку, рассказывая легенды о Гитлере, Ву-Танге и ЦРУ. Мне никто ничего не предлагал – ни присоединиться, ни купить. Мне показалось, что я узнал кое-какие лица, но, может, просто похожи. Я все равно слишком нервничал и вернулся к машине, сунув руки в карманы.

Я утратил контроль над этим летом. Ради Эдриен я прервал собственную программу образования, и теперь все мои мечты и случайные мысли вились только вокруг нее. Я валялся на ковре в родительском доме и вспоминал прохладный бетон студии.

– Я рисую, – сказала она.

– Я могу позже перезвонить. – Только от одного факта, что мы говорим с ней по телефону, у меня заколотилось сердце.

– Я нарисовала кое-что, что хочу тебе показать.

– Могу зайти сейчас...

– Нет... Джим, мне сначала надо кое в чем разобраться.

– Я хотел предложить тебе еще раз сходить в «Звезды», – я опустил глаза. Вот и предложил.

– А мне обязательно...

– Нет.

Я опустился на колени. Кровь отлила от головы, мне надо было лечь лицом на ковер и отдохнуть.

4

Как я узнал от Эдит, Эдриен пригласила меня на выходные в Бартлсвилль. Если оглянуться в прошлое, не ясно, как Эдриен себе это представляла. Эдит позвонила мне ни с того ни с сего, отругала меня за то, что я ею пренебрегаю, провожу все время только с Эдриен – хотя я не видел ее уже неделю. «Она сказала, может, ты довезешь меня с Кэм до Бартлсвилля». Я сделал вид, что понимаю, о чем речь, помимо того, что Бартлсвилль – это крошечный городок в пятидесяти километрах к северу, родина «Филлипс петролеум». Я взял рубашку, галстук, спальный мешок и даже плавки.

Под Бартлсвиллем подразумевалась хижина Альберта Дуни. Его родственники, как и большинство семей нефтепромышленников поменьше, в двадцатых построили себе дачу в горах округа Осейдж. По сути, эта хижина стояла еще в десяти минутах езды к западу от Бартлсвилля, на берегу крошечного озера. Альберт к рыбацкому домику, построенному дедом, добавил еще и небольшую студию звукозаписи и частенько приглашал друзей Чейза туда на выходные; иногда они действительно что-то записывали. Альберт был из тех людей среднего возраста, кому интереснее общаться с молодежью, его притягивало наше неистовство и жалость к самим себе, да и возможность иногда погрозить пальцем и исправить ошибку подростка тоже доставляла ему удовольствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/bendzhamin-lital/karta-talsy/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Джеймс Роберт Уиллс (1905–1975) – американский свинговый музыкант, основатель группы «Техасские плейбои».

2

Названия школ.

3

«Конец» (ит.).

4

Пьеса У. Шекспира.

5

Перевернутое название города Талса на английском пишется как «Aslut» и напоминает английское слово, переводящееся как «шлюха».

6

Жан-Батист Грез (1725–1805) – французский живописец-жанрист.

7

Жан Батист Симеон Шарден (1699–1779) – французский живописец, прославившийся своими работами в области натюрморта и жанровой живописи.

8

«Богема» – опера Джакомо Пуччини, впервые была поставлена в 1896 г.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/bendzhamin-lital/karta-talsy-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)